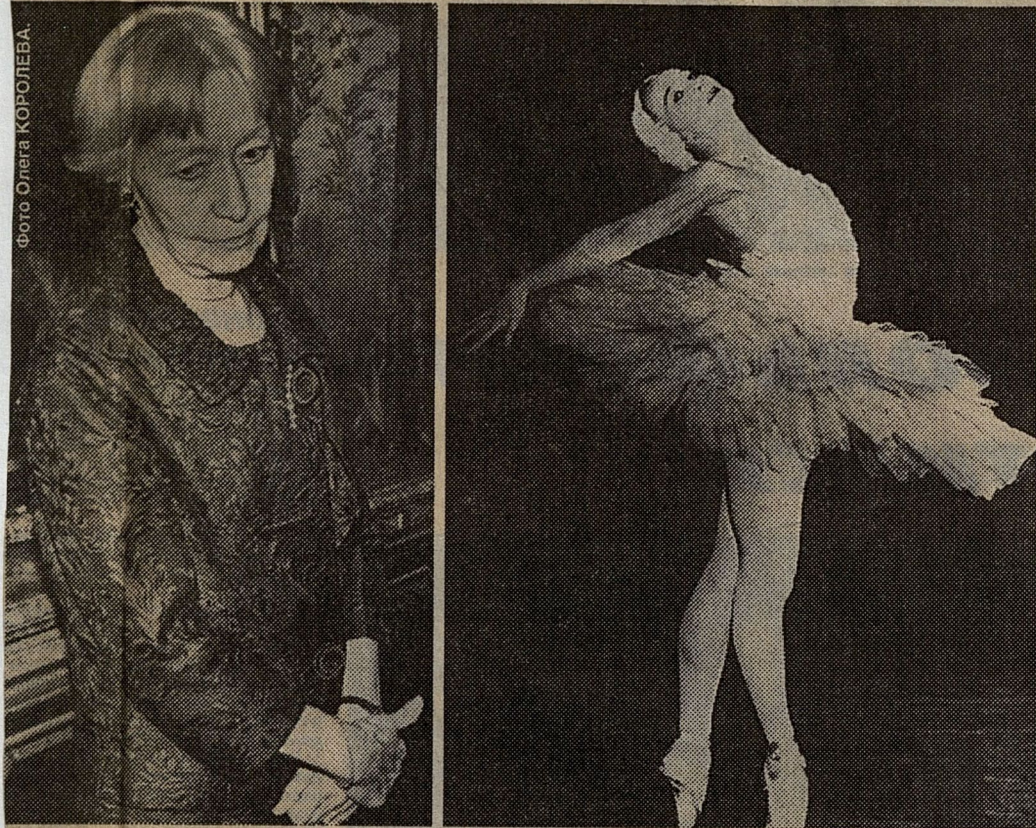

Богиня Уланова по-прежнему работает в Большом

Она до сих пор остается лебедем.

Великая балерина не любит интервью. Но к «Комсомолке» у Галины Сергеевны отношение особое

- Галина Сергеевна, когда Большой театр хотел отметить ваш очередной юбилей, почему вы отказались? Какие это были замечательные праздники - ваши юбилеи...

- Вот и достаточно. Я подсчитала - четыре раза выходила на сцену, не танцуя. Должно же быть чувство меры. (Говорит с оттенком укоризны, недоумения.)

- Вы оставили сцену, но остались же в театре.

- Резко отрубить, уйти в никуда трудно, очевидно, для любого человека. Почему бы не попробовать помочь тем, кто идет следом? Я чего-то достигла, что-то поняла. И я стала педагогом-репетитором.

- Но вам 87-й год, а вы продолжаете работать!..

- Не то что это привычка... Но вместе с тем и привычка: я нахожусь в тех же стенах. У кого-то есть семья, дети... А раньше, не то что было запрещено, но считалось, что рождение ребенка изменит твою форму. С детства же мне вну-

шали, что мы должны быть на сцене красивыми - это требование нашей профессии.

- За десятилетия работы вы воспитали замечательных учеников: Катя Максимова и Володя Васильев, Нина Тимофеева и Нина Семизорова, Людмила Семеняка и Малика Сабирова... Что главное, по-вашему, в работе педагога-репетитора?

- Объяснить: танец безмолвен, но он не нем. (Секунду молчит, потом начинает пояснять доброжелательно-терпеливо). Они приходят ко мне, зная уже порядок движений, владея формой. Но форма эта сухая. Танцовщице надо понять не только, как надо танцевать, но кого. Кто она есть? Что за человек? Что хочет сказать? Вот недавно подходит ко мне партнер Нины Семизоровой, с которой я сейчас репетирую роль в "Сильфидах": "Галина Сергеевна, я записал себя на пленку - мне так не понравилась. Помогите мне".

(Окончание на 6-й стр.)

Уланова Галина

6 «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА» 13 марта 1996 г.

Богиня Уланова работает в Большом

Комс. правда - 1996 - 13 марта - с. 1, 6.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Я посмотрела - изумительно танцует: чисто, аккуратно, красиво. А как играть - не знает. "Не знаю, куда руки девать". Потому что не чувствуешь, говорю "Кто ты такой?" - "Не знаю". "Какой у тебя характер?" - смотрит с удивлением. А ты придумай его, говорю, вообрази себе, какой он: добрый ли, мяткий или гордый, мужественный. Надо знать не только сюжет, изложенный в программке для зрителей, надо знать эпоху, страну, где происходит действие, почувствовать музыку, понять сам замысел композитора. Пробыть свое воображение, фантазию, чтоб не быть просто куклой, которую кто-то сзади дергает за ниточку. Да, куклы бывают красивые, но души-то нет! Конечно, я слежу за чистотой движений, но в первую очередь за тем, чтоб не были они машинными. Заученными. Как в спорте. У нас тоже, как в спорте, есть тренировки. Но сюда надо добавить чувство (подчеркивает это слово). Как в драматическом театре. Там слово - у нас жест. Вот у нас возобновили сейчас "Ромео и Джульетту" в той постановке, в которой я когда-то танцевала. Я шла на спектакль и волновалась: получилось ли? И увидела: да, и тут немножко неправильно, и тут не совсем так. Но главное - есть. Целостность. Единство музыки, постановки и исполнения. Книга, а не отдельные ее странички. И люди в зале плакали...

- На ваших спектаклях не только обычные зрители плакали. Даже высокие знатоки балета, профессионалы бывали потрясены откровениями им истинами. Характеры слова Бажара, признавшегося, что вы не только определили его профессиональную судьбу, но и заставили по-новому осмыслить такие понятия, как правда, совесть, чистота. Вы сознательно ставили перед собой такую цель?

- (Уходя от прямого ответа, раздумчиво) Почему, как вы думаете, балет начинался с легенды, сказки? Это не случайно. Не просто так. Зачем детям рассказывают сказки? Ведь не ради же того, чтоб они быстрее уснули. Нет. Сказки не зря придуманы - в них есть учение. Сказка ребенку говорит: вот это хорошее, а это - дурное, это нельзя делать во всей твоей будущей жизни. Уже маленький ребенок должен понимать, что есть добро, а что зло.

- Галина Сергеевна, а такой детский вопрос: что для вас добро?

- Добро?.. (Тихо, мягко, как бы говоря с ребенком). Сделать человеку что-то хорошее, обрадовать его, быть ласковым, успокоить его, сделать что-то за него. Отдать от себя то, что, может быть, тебе самое близкое, дорогое, но человеку это очень нужно.

- А зло? Что вы не любите в людях в первую очередь?

- Неправды. (Не раздумывая и очень твердо). Неправды. Я чувствую эту неправдоту сразу, как только она начинает обвивать тебя, словно змея. Хотя я и змею люблю, как и всех животных, иногда мне даже кажется, что они лучше нас, но приходится так говорить. Поэтому что змея - это не вина ее, так уж ее создала природа - очень ловко умеет вползать и выползать.

- Ваше детство ведь пришлось на жестокие, трудные годы...

- Очень трудные. Революция, холод, голод... Но воспитывали-то нас прежние люди. У нас в балетной школе были классные дамы с хорошими манерами, со знанием многих языков. Мы лизали, конечно, как все

Джульетты лучше чем она - не было.

ТОЛЬКО У НАС

ли. Наверное, жизнь этого от них требует. Очень самостоятельные. Но... Мало застенчивых людей. Очень мало.

- Галина Сергеевна, а что для вас слава?

- А какое это имеет значение? (Почти сухо и даже с нотками раздражения). Слава - не слава... Я делала свое дело.

- Но ведь она, слава, была! Как вы к этому относились?

- Да никак. Что она мне, слава? Мешала. (Сматываясь). Иногда выходила, а на тебя со всех сторон фотоаппараты, и - чик-чик-чик - начинают снимать. Ну, я старалась (улыбается) закрыться и уйти.

- Неужели это вас совсем не радовало?

- Абсолютно.

- Ну, Галина Сергеевна... Это как-то неестественно даже. Такое поклонение и...

- Но ведь не знаешь - честное ли оно. Или просто такое... (показывает фальшивую улыбку).

- Неужели какие-то слова, знаки внимания, какие-то люди не остались в памяти?

- Остались. И не только в памяти. Есть несколько человек, которые еще студентами, сразу после войны, в такое трудное время, потянулись к искусству: бежали в консерваторию, в театр, к нам в Большой. И вот оказалось, что я им понравилась больше, чем кто-либо другой. Они были настолько скромны, что только изредка, по праздникам, осторожно звонили в дверь и передавали мне маленький букетик, какие-нибудь фиалочки. Я их не знала, не знала, что они, сдружившись еще тогда, дружат до сих пор. И только спустя десятилетия, они вошли в мой дом... Но зачем об этом? Надо говорить о чем-то важном, что-то жизненное передать.

- Галина Сергеевна, но разве не жизненное, как вы выражаетесь, то, что солдаты шли в бой с вашей фотографией?

- Ну не все же... Да, помню, как-то пришло письмо с моей карточкой из "Лебединого", простреленной в двух местах. Его прислал с фронта совсем не

век "другого измерения". И Шостакович, и Пастернак, и Равенский, адресовавшая вам пушкинские строки: "Ты, Моцарт, Бог и сам того не знаешь"... (Снова никак не отзывается на похвалу, как бы не слышала).

- Мне всегда было интересно не со сверстниками, а с людьми старше меня. Мне очень повезло - в молодости в Ленинграде познакомилась и подружилась с семьей Тиме-Качаловых, драматических актеров, у которых часто собирались ученые, писатели, актеры. Я любила их слушать. Сидеть в уголке, молчать и слушать. Это они учили меня не только танцевать, но понимать, кого я танцую, что хочу сказать людям. Драматическому искусству учили. Это было новое тогда в балете. Потому, наверное, Эйзенштейн, когда мы в войну встретились с ним в Алма-Ате, предложил мне сыграть роль парижки Анастасии в фильме "Иван Грозный". Следовали пробы, утвердили меня на роль, а тут приходит письмо от мамы, из Перми. О том, что наш театр возвращается в Ленинград. Я ведь в Алма-Ату в отпуск, к Юрию Александровичу Завалдскому, приехала, да и застряла: сначала болела брюшным, потом помогала казахскому театру. Получила я письмо и говорю Эйзенштейну: "Милый, я не могу играть, я должна возвращаться". И уехала. И только потом поняла, что я пропустила в своей жизни...

- Жалеть, что уехали? Если бы можно было вернуть время вспять, остались бы?

- Нет. Не осталась бы. В Перми должен был быть прощальный спектакль, люди нас приютили, дали нам жилье, так полагали во всем - как можно... Я бы и из Ленинграда никогда бы не уехала, сколько раз меня звали в Москву, в Большой, - всегда отказывалась. Только когда пришла официальная бумага из Министерства культуры, и сразу на нескольких человек, как бы для укрепления Большого театра, только тогда я и переехала. Нет, я должна была вернуться.

- Я посмотрела два спектакля возобновленного "Ромео" и обратила внимание на ту мизансцену, короткую, но очень важную, где Джульетта, еще беспечная беззаботная девочка, шаловливо срывает после бала маску с Ромео, впервые видит его лицо - и будто молния сверкнула, выстрел раздался. Она подбегает к нему... Движение тут должно говорить: что случилось со мной? Кто ты? Что с нами произошло? У обеих Джульетт этого выстрела, этой молнии не получилось. Не те движения - не то и впечатление.

- А Коля Фалеев, с которым я танцевала, как раз репетировал с Ромео третьего состава. "Коля", - говорю, - я хочу, милый, проверить с ним, как я это делала. Только объясни, что он не должен меня поднимать". "А вам не страшно?" Да нет. Сняла я туфли, подошла к Ромео, оттолкнулась ногой, и вот Джульетта уже у него на груди - лицо в лицо. Вот так. (Она легко вспрямывает на высокий стул, садится на колени, сжимается вся в уливенный комочек, телом

там же очень дорогие пуговицы, а она: "Но это так элитно!" (пожимает в недоумении плечами). А я вспомнила одно из своих первых впечатлений от заграницы. Было это на гастролях в Англии, там было такое маленькое кафе недорогое "Все куриное", куда мы бежали обедать. И вот как-то стою за столиком, напротив меня молодой человек. Элегантный и с таким достоинством. И лицо знакомое. Где я его могла видеть? И только к концу обеда поняла: да это же слуга из нашего отеля, мусорщик! Потом я не раз убеждалась: там никакая работа не стыдна. Он мусорщик, я балерина, какая разница, главное, как ты делаешь свое дело. А не это, наше: "Элитно - не элитно"... За границей вообще как-то здраво, ясно, рационально все устроено.

- А могли бы вы уехать, жить за границей?

- Нет. Никогда.

- Галина Сергеевна, есть что-то, о чем вы жалеете, оглядываясь на свою жизнь?

- Ну, может, я бы хотела, чтоб у меня была семья, дети... Такой дом... Чтб я умела хорошо готовить. Я попыталась это сделать после того, как кончила танцевать, но из этого ничего не вышло...

- Не расскажете ли больше о своей личной жизни?

- Нет. Не понимаю этого нынешнего интереса ко всему интимному. (Задумывается). Два года назад умерла Таня Агафонова, вы знаете, она работала в вашей "Комсомолке", пришла брать интервью, да так и осталась со мной на много лет. Была мне помощницей, другом, дочкой. И единственный фильм о моей жизни - двухсерийный, телевизионный - делала тоже она... (Молчим обе.)

- Галина Сергеевна, а что отвлекает от трудных мыслей?

- Работа. А дома... Телевизор не выключаю, мне он сейчас не интересен. Лучше посижу в тишине, почитаю Пушкина.

- Вы такая худенькая... Какой у вас вес?

- 45-44 килограмма.

- А когда танцевали?

- 50-51. С возрастом ведь таешь понемножку...

- Другие балерины отнюдь не тают. Так меняются!

- А зачем мне меняться? (Улыбается.) Я делаю по утрам сложную балетную зарядку, всю жизнь и до сих пор. Мне ведь надо на занятиях с учениками не только рассказывать, но и показывать.

- Неужели и сейчас показываете? Расскажите об этом, пожалуйста.

- Я посмотрела два спектакля возобновленного "Ромео" и обратила внимание на ту мизансцену, короткую, но очень важную, где Джульетта, еще беспечная беззаботная девочка, шаловливо срывает после бала маску с Ромео, впервые видит его лицо - и будто молния сверкнула, выстрел раздался. Она подбегает к нему... Движение тут должно говорить: что случилось со мной? Кто ты? Что с нами произошло? У обеих Джульетт этого выстрела, этой молнии не получилось. Не те движения - не то и впечатление.

- А Коля Фалеев, с которым я танцевала, как раз репетировал с Ромео третьего состава. "Коля", - говорю, - я хочу, милый, проверить с ним, как я это делала. Только объясни, что он не должен меня поднимать". "А вам не страшно?" Да нет. Сняла я туфли, подошла к Ромео, оттолкнулась ногой, и вот Джульетта уже у него на груди - лицо в лицо. Вот так. (Она легко вспрямывает на высокий стул, садится на колени, сжимается вся в уливенный комочек, телом

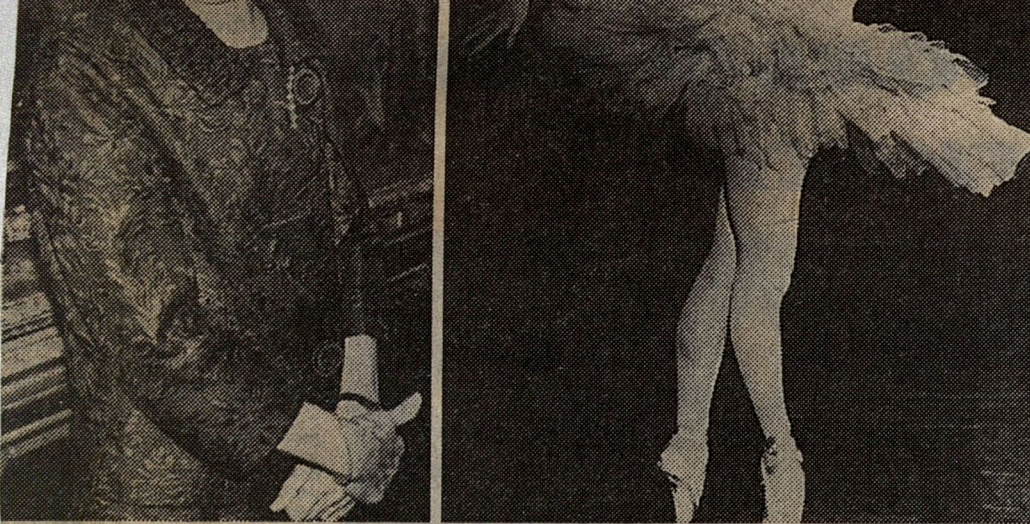
там же очень дорогие пуговицы, а она: "Но это так элитно!" (пожимает в недоумении плечами). А я вспомнила одно из своих первых впечатлений от заграницы. Было это на гастролях в Англии, там было такое маленькое кафе недорогое "Все куриное", куда мы бежали обедать. И вот как-то стою за столиком, напротив меня молодой человек. Элегантный и с таким достоинством. И лицо знакомое. Где я его могла видеть? И только к концу обеда поняла: да это же слуга из нашего отеля, мусорщик! Потом я не раз убеждалась: там никакая работа не стыдна. Он мусорщик, я балерина, какая разница, главное, как ты делаешь свое дело. А не это, наше: "Элитно - не элитно"... За границей вообще как-то здраво, ясно, рационально все устроено.

- А могли бы вы уехать, жить за границей?

- Нет. Никогда.

- Галина Сергеевна, есть что-то, о чем вы жалеете, оглядываясь на свою жизнь?

- Ну, может, я бы хотела, чтоб у меня была семья, дети... Такой дом... Чтб я умела хорошо готовить. Я попыталась это сделать после того, как кончила танцевать, но из этого ничего не вышло...

Она до сих пор остается лебедем.

считала - четыре раза выходила на сцену, не танцуя. Должно же быть чувство меры. (Говорит с оттенком укоризны, недоумения.)

- Вы оставили сцену, но остаетесь же в театре.

- Резко отрубить, уйти в никуда трудно, очевидно, для любого человека. Почему бы не попробовать помочь тем, кто идет следом? Я чего-то достигла, что-то поняла. И я стала педагогом-репетитором.

- Но вам 87-й год, а вы продолжаете работать!..

- Не то что это привычка... Но вместе с тем и привычка: я нахожусь в тех же стенах. У кого-то есть семья, дети... А раньше, не то что было запрещено, но считалось, что рождение ребенка изменит твою форму. С детства же мне вну-

ева и Нина Семизорова, Люмила Семеняка и Малика Сабирова... Что главное, по-вашему, в работе педагога-репетитора?

- Объяснить: танец безмолвен, но он не нем. (Секунду молчит, потом начинает пояснять доброжелательно-терпеливо). Они приходят ко мне, зная уже порядок движений, владея формой. Но форма эта сухая. Танцовщице надо понять не только, как надо танцевать, но кого. Кто она есть? Что за человек? Что хочет сказать? Вот недавно подходит ко мне партнер Нины Семизоровой, с которой я сейчас репетирую роль в "Сильфидах": "Галина Сергеевна, я записал себя на пленку - мне так не понравилась! Помогите мне".

(Окончание на 6-й стр.)

танцует: чисто, аккуратно, красиво. А как играть - не знает. "Не знаю, куда руки деть". Потому что не чувствуешь, говоришь "Кто ты такой?" - "Не знаю". "Какой у тебя характер?" - смотрит с удивлением.

А ты придумай его, говори, вырази себе, какой он: добрый ли, мягкий или гордый, мужественный. Надо знать не только сюжет, изложенный в программке для зрителей, надо знать эпоху, страну, где происходит действие, почувствовать музыку, понять сам замысел композитора. Пробудить свое воображение, фантазию, чтоб не быть просто куклой, которую кто-то сзади дергает за ниточку. Да, куклы бывают красивые, но души-то нет! Конечно, я слежу за чистотой движений, но в первую очередь за тем, чтоб не были они машинными. Заученными. Как в спорте. У нас тоже, как в спорте, есть тренировки. Но сюда надо добавить чувство (подчеркивает это слово). Как в драматическом театре. Там слово - у нас жест. Вот у нас возобновили сейчас "Ромео и Джульетту" в той постановке, в которой я когда-то танцевала. Я шла на спектакль и волновалась: получилось ли? И увидела: да, и тут немножко неправильно, и тут не совсем так. Но главное - есть. Целостность. Единство музыки, постановки и исполнения. Книга, а не отдельные ее странички. И люди в зале плакали!..

- На ваших спектаклях не только обычные зрители плакали. Даже высокие знатоки балета, профессионалы бывали потрясены открывшимися им истинами. Характерны слова Божара, признавшего, что вы не только определили его профессиональную судьбу, но и заставили по-новому осмыслить такие понятия, как правда, совесть, чистота. Вы сознательно ставили перед собой такую цель?

- (Уходя от прямого ответа, раздумчиво) Почему, как вы думаете, балет начинался с легенды, сказки? Это не случайно. Не просто так. Зачем детям рассказывают сказки? Ведь не ради же того, чтоб они быстрее уснули. Нет. Сказки не зря придуманы - в них есть учение. Сказка ребенку говорит: вот это хорошее, а это - дурное, это нельзя делать во всей твоей будущей жизни. Уже маленький ребенок должен понимать, что есть добро, а что зло.

- Галина Сергеевна, а такой детский вопрос: что для вас добро?

- Добро?.. (Тихо, мягко, как бы говоря с ребенком). Сделать человеку что-то хорошее, обрадовать его, быть ласковым, успокоить его, сделать что-то за него. Отдать от себя то, что, может быть, тебе самое близкое, дорогое, но человеку это очень нужно.

- А зло? Что вы не любите в людях в первую очередь?

- Неправды. (Не раздумывая и очень твердо). Неправды. Я чувствую эту неправду сразу, как только она начинает обвивать тебя, словно змея. Хотя я и змею люблю, как и всех животных, иногда мне даже кажется, что они лучше нас, но приходится так говорить. Потому что змея - это не вина ее, так уж ее создала природа - очень ловко умеет вползать и выползает.

- Ваше детство ведь пришлось на жестокие, трудные годы...

- Очень трудные. Революция, холод, голод... Но воспитывали-то нас прежние люди. У нас в балетной школе были классные дамы с хорошими манерами, со знанием многих языков. Мы шалили, конечно, как все дети, но за нами следили: даже ночью в дортуре, за ширмой с нами была классная дама. Все были одеты, как смолянки, в одинаковые платья. Прелестного цвета - как васильки. А на экзаменах - все в белом. Немножко длиннее волосы отпустишь, завяжешь их бантом - бант с тебя снимут: на экзамене не положено. И причешись, пожалуйста, гладко, аккуратно. Учили держать вилку, нож, на столах всегда были очень красивые тарелки, еще царские. И классные дамы четвертушки хлеба, которые нам выдавали, делили аккуратно на три части. Другая была даже обедынная жизнь. И поэтому я иногда себя чувствую... Некоторые меня не всегда понимают.

- Ну например.

- Ну вот самое простое: вхожу в лифт и, если там есть люди, говорю: "Здравствуйте". И ни один человек мне не отвечает. Редко кто кивнет головой... Или в театре кому-то что-то надо сказать, он просто открывает дверь и говорит свое. Но почему же ты не спросишь, можно ли войти?

- Ну например.

- Ну вот самое простое: вхожу в лифт и, если там есть люди, говорю: "Здравствуйте". И ни один человек мне не отвечает. Редко кто кивнет головой... Или в театре кому-то что-то надо сказать, он просто открывает дверь и говорит свое. Но почему же ты не спросишь, можно ли войти?

- Ну например.

- Ну вот самое простое: вхожу в лифт и, если там есть люди, говорю: "Здравствуйте". И ни один человек мне не отвечает. Редко кто кивнет головой... Или в театре кому-то что-то надо сказать, он просто открывает дверь и говорит свое. Но почему же ты не спросишь, можно ли войти?

- Ну например.

- Ну вот самое простое: вхожу в лифт и, если там есть люди, говорю: "Здравствуйте". И ни один человек мне не отвечает. Редко кто кивнет головой... Или в театре кому-то что-то надо сказать, он просто открывает дверь и говорит свое. Но почему же ты не спросишь, можно ли войти?

- Ну например.

- Ну вот самое простое: вхожу в лифт и, если там есть люди, говорю: "Здравствуйте". И ни один человек мне не отвечает. Редко кто кивнет головой... Или в театре кому-то что-то надо сказать, он просто открывает дверь и говорит свое. Но почему же ты не спросишь, можно ли войти?

- Ну например.

- Ну вот самое простое: вхожу в лифт и, если там есть люди, говорю: "Здравствуйте". И ни один человек мне не отвечает. Редко кто кивнет головой... Или в театре кому-то что-то надо сказать, он просто открывает дверь и говорит свое. Но почему же ты не спросишь, можно ли войти?

- Ну например.

- Ну вот самое простое: вхожу в лифт и, если там есть люди, говорю: "Здравствуйте". И ни один человек мне не отвечает. Редко кто кивнет головой... Или в театре кому-то что-то надо сказать, он просто открывает дверь и говорит свое. Но почему же ты не спросишь, можно ли войти?

Джульетты лучше чем она - не было.

ТОЛЬКО У НАС

ли. Наверное, жизнь этого от них требует. Очень самостоятельные. Но... Мало застенчивых людей. Очень мало.

- Галина Сергеевна, а что для вас слава?

- А какое это имеет значение? (Почти сухо и даже с нотками раздражения). Слава - не слава... Я делала свое дело.

- Но ведь она, слава, была! Как вы к этому относились?

- Да никак. Что она мне, слава? Мешала. (Смятаясь). Иногда выходила, а на тебя со всех сторон фотоаппараты, и - чик-чик-чик - начинают снимать. Ну, я старалась (улыбается) закрыться и уйти.

- Неужели это вас совсем не радовало?

- Абсолютно.

- Ну, Галина Сергеевна... Это как-то неестественно даже. Такое поклонение и...

- Но ведь не знаешь - честное ли оно. Или просто такое... (показывает фальшивую улыбку).

- Неужели какие-то слова, знаки внимания, какие-то люди не остались в памяти?

- Остались. И не только в памяти. Есть несколько человек, которые еще студентами, сразу после войны, в такое трудное время, потянулись к искусству: бежали в консерваторию, в театр, к нам в Большой. И вот оказалось, что я им понравилась больше, чем кто-либо другой. Они были настолько скромны, что только изредка, по праздникам, осторожно звонили в дверь и передавали мне маленький букетик, какие-нибудь фиалочки. Я их не знала, не знала, что они, сдружившись еще тогда, дружат до сих пор. И только спустя десятилетия, они вошли в мой дом... Но зачем об этом? Надо говорить о чем-то важном, что-то жизненное передать.

- Галина Сергеевна, но разве не жизненное, как вы выражаетесь, то, что солдаты шли в бой с вашей фотографией?

- Ну не все же... Да, помню, как-то пришла письмо с моей карточкой из "Лебединого", простреленной в двух местах. Его прислал с фронта совсем не знакомый мне человек, наши освободили какую-то деревню, и в одном из домов нашли на стене эту простреленную фотографию. Они ее сняли, повесили у себя в блиндаже, и он писал, что дневальный всегда ставил к ней букетик полевых цветов... Было еще трое мальчиков перед самой войной, я их пригостила - когда выходила на авансцену после спектакля,ложи бенеуара немножко видны, и они там всегда стояли, трое, в морской форме. А потом, когда уходили на фронт, прислали мне звуковое письмо, маленькую такую пластиночку, она у меня есть. Прощались со мной, говорили, что я помогала им жить, теперь буду помогать воевать. Ну, так они чувствовали... Двух из них убило, с третьим, Августином Мухиным, мы встречались, и он показывал мне, вынимая из старенькой планшеты, три фотографии, которые проносил всю войну: мою, мамы и невесты. Вернее, так: мамы, невесты и мою. Но и он уже умер...

- Через вашу жизнь прошли многие замечательные люди, восхищавшиеся вашим талантом. И Алексей Толстой, говоривший о вас "обыкновенная богиня", и Сергей Эйзенштейн, назвавший вас чело-

веком "другого измерения". И Шостакович, и Пастернак. И Реневская, адресовавшая вам пушкинские строки: "Ты, Моцарт, Бог и сам того не знаешь"... (Снова никак не отзывается на похвалу, как бы не слыша).

- Мне всегда было интересно не со сверстниками, а с людьми старше меня. Мне очень повезло - в молодости в Ленинграде познакомилась и подружилась с семьей Тиме-Качаловых, драматических актеров, у которых часто собирались ученые, писатели, актеры. Я любила их слушать. Сидеть в уголке, молчать и слушать. Это они учили меня не только танцевать, но понимать, кого я танцую, что хочу сказать людям. Драматическое искусство учили. Это было новое тогда в балете. Потому, наверное, Эйзенштейн, когда мы в войну встретились с ним в Алма-Ате, предложил мне сыграть роль парижки Анастасии в фильме "Иван Грозный". Сделали пробы, утвердили меня на роль, а тут приходит письмо от мамы, из Перми. О том, что наш театр возвращается в Ленинград. Я ведь в Алма-Ату в отпуск, к Юрию Александровичу Завалдскому, приехала, да и застряла: сначала болела бронхитом, потом помогала казахскому театру. Получила я письмо и говорю Эйзенштейну: "Милый, я не могу играть, я должна возвращаться". И уехала. И только потом поняла, что я пропустила в своей жизни...

- Жалеете, что уехали? Если б можно было вернуть время вспять, остались бы?

- Нет. Не осталась бы. В Перми должен был быть прощальный спектакль, люди нас пригласили, дали нам жилье, так помогали во всем - как можно?.. Я бы и из Ленинграда никогда б не уехала, сколько раз меня звали в Москву, в Большой, - всегда отказывалась. Только когда пришла официальная бумага из Министерства культуры, и сразу на нескольких человек, как бы для укрепления Большого театра, только тогда я и переехала. Нет, я должна была вернуться.

- Любимое ваше слово - "должна"...

- Так я привыкла.

- Но вы жили в такое время, когда и вам говорили: "Вы должны". Подкупить фимаму власти, или вступить в партию, или станцевать Жанну Д'Арк в духе соцреализма. Но вы избежали всего этого - каким образом? "Покорная обстоятельность и верная себе чистота", как сказал о вас Пастернак?

- (Просительно, но строго.) Не ставьте меня, пожалуйста, в такое положение, когда я должна хвалить себя... (смятаясь). Может, Пастернак и нашел какие-то правильные слова, не знаю... Да, я очень хотела станцевать Жанну Д'Арк, уже репетировала, но там была сцена, когда она слышит голос свыше, голос Бога: "Ты должна спасти свою страну". И только после этого она ведет людей сражаться. А мне сказали, что это что-то религиозное, сцену заставили переделать так, что получилась просто забавная какая-то... И я танцевать отказалась.

- Галина Сергеевна, выражаясь по-современному, вы принадлежите к элите нашего искусства, и...

- Я не понимаю этого слова: "элита". Недавно услышала, как одна женщина хвалилась, что они с мужем едут в Барвиху,

ми. А я вспоминаю одно из своих первых впечатлений от заграничия. Было это на гастролях в Англии, там было такое маленькое кафе недорогое "Все куриное", куда мы бежали обедать. И вот как-то стою за столиком, напротив меня молодой человек. Элегантный и с таким достоинством. И лицо знакомое. Где я его могла видеть? И только к концу обеда поняла: да это же слуга из нашего отеля, мусорщик! Потом я не раз убеждалась: там никакая работа не стыдна. Он мусорщик, я балерина, какая разница, главное, как ты делаешь свое дело. А не это, наше: "Элитно - не элитно"... За границей вообще как-то здорово, ясно, рационально все устроено.

- А могли бы вы уехать, жить за границей?

- Нет. Никогда.

- Галина Сергеевна, есть что-то, о чем вы жалеете, оглядываясь на свою жизнь?

- Ну, может, я бы хотела, чтоб у меня была семья, дети... Такой дом... Чтоб я умела хорошо готовить. Я попыталась это сделать после того, как кончила танцевать, но из этого ничего не вышло...

- Не расскажете ли больше о своей личной жизни?

- Нет. Не понимаю этого нынешнего интереса ко всему интимному. (Задумывается). Два года назад умерла Таня Агафонова, вы знаете, она работала в вашей "Комсомолке", пришла брать интервью, да так и осталась со мной на много лет. Была мне помощницей, другом, дочкой. И единственный фильм о моей жизни - двухсерийный, телевизионный - сделала тоже она... (Молчим обе.)

- Галина Сергеевна, а что отвлекает от трудных мыслей?

- Работа. А дома... Телевизор не выключаю, мне он сейчас не интересен. Лучше посижу в тишине, почитаю Пушкина.

- Вы такая худенькая... Какой у вас вес?

- 45-44 килограмма.

- А когда танцевали?

- 50-51. С возрастом ведь та-есть понемножку...

- Другие балерины отнюдь не та-ют. Так меняются!

- А зачем мне меняться? (Улыбается.) Я делаю по утрам сложную балетную зарядку, всю жизнь и до сих пор. Мне ведь надо на занятиях с учениками не только рассказывать, но и показывать.

- Неужели и сейчас показываете? Расскажите об этом, пожалуйста.

- Я посмотрела два спектакля возобновленного "Ромео" и обратила внимание на ту мизансцену, короткую, но очень важную, где Джульетта, еще беспечная беззаботная девочка, шаловливо срывает после бала маску с Ромео, впервые видит его лицо - и будто молния сверкнула, выстрел раздался. Она подбегает к нему... Движение тут должно говорить: что случилось со мной? Кто ты? Что с нами произошло? У обеих Джульетт этого выстрела, этой молнии не получилось. Не те движения - не то и впечатление.

- А Коля Фадеев, с которым я танцевала, как раз репетировал с Ромео третьего состава. "Коля, - говорю, - я хочу, милый, проверить с ним, как я это делала. Только объясни, что он не должен меня поднимать". "А вам не страшно?" Да нет. Сняла я туфли, подошла к Ромео, оттолкнулась ногой, и вот Джульетта уже у него на груди - лицо в лицо. Вот так. (Она легко вспрыгивает на высокий стул, садится на колени, сжимается вся в удивленный комочек, тела как бы нет, одно лицо, а на лице только глаза - и я вижу ту Джульетту, что потрясла больше четырех десятилетий назад).

- Галина Сергеевна, мы все о работе... А что для вас отдых?

- Быть в природе. (Молчит, что-то вспоминает свое). Когда меня спрашивают, что у меня осталось как самое большое, самое хорошее впечатление жизни, я всегда отвечаю: Селигер. Озеро, байдарка, леса, поля - вот что мое самое любимое. Вплываешь в камыши, тихо, нежарко, спокойно, ты одна. Только книга, тогда это был Блок. Тишина полная - и вдруг (стучит по столу: тук-тук-тук). Что такое, думаю? Тихонько поворачиваю голову и вижу: неслышно раздвигая камыши, пынут уточки, человечка четьре! (Она так и говорит об уточках - "человечки"). Смотрю на это. Блока читаю, занимаюсь не надо, спектаклей нет, никому не "должна", ничего не "надо". Только дышу и смотрю на эту красоту, ну немислимую, которая вокруг меня.

- Но это было так, в сущности, коротко...

Инна РУДЕНКО.